

ЗДРАВО-ХОРОНЕНИЕ

«Нас не учили зарабатывать деньги на страданиях»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Нас ждали: прямо у ворот встречал заместитель главного врача Боткинской больницы по медицинской части (по работе с филиалами) Сергей Сороколетов. Более того, узнав о нашем приезде, сюда прибыл, отменив ранее запланированную встречу, и Алексей Шабунин, главный врач ГКБ им. С.П.Боткина. Что им руководило? Опасение, что ситуация выйдет из-под контроля, или желание лично оправдать свои действия?

Ведь после реорганизации больницы № 19 и придания медучреждению статуса филиала Боткинской больницы именно Шабунину предстояло принять решение о его судьбе. Казалось бы, кому, как не профессионалу, разбираться в ситуации лучше? Что же заставило пойти на ликвидацию больницы?

По словам Шабунина, при вынесении вердикта «Казнить, нельзя помиловать» им руководили исключительно благие пожелания. И далеко не все вновь образованные филиалы ждет подобная же участь. Например, офтальмологическая клиническая больница будет сохранена. Почему? Да потому, что обладает высокотехнологичным оборудованием. Подолгу люди в ней не задерживаются, поток пациентов не иссякает. Средства регулярно поступают! И немалые.

Больница № 19 — совсем другое дело, разводит руками главврач, она узкопрофильная, в ней только два направления — кардиотерапия и спинальная нейрохирургия. Первое — не то что вчерашний, позавчерашний день. Из-за отсутствия возможности проведения экстренной кардиографии больных с инфарктом сюда везти нельзя: капельница стэнд не заменит, и люди могут оказаться обречены на смерть. Поэтому скорая помощь больных сюда возить перестала, и 30-40% коек в отделении всегда пустовало.

То ли дело Боткинская! Главврач с гордостью поведал, что неделю назад там была проведена первая операция при помощи робота. И впрямь, стоит ли сожалеть о ликвидации каких-то примитивных коек, если можно сконцентрировать усилия на иных перспективных задачах?

Да, нейрохирургия — вещь хорошая. Но она погоды не делает. Развитие учреждения малоэффективно. Дефицит по году составил 150 млн рублей.

«И все же с плеча рубить мы не стали. Даже больных из Боткинской сюда поначалу направляли — не помогло. Самых ценных сотрудников мы, конечно, без работы не оставим. А коек в Боткинской достаточно. Да и операционное оборудование намного современнее», — говорит Шабунин.

Слушаешь врача и осознаешь, что все его аргументы укладываются в простую формулу: «Больница средней руки. За исключением отделения нейрохирургии рассчитана преимущественно на хроников — как правило, пожилых людей, регулярно лежащих в больницу, чтобы подлечиться — капельницы поделать, физиотерапевтические процедуры принимать. Ну какой с них навар? Какая выгода? То ли дело здание в самом центре Москвы. Да и не здание даже — площадка под ним! Поэтому единственно правильное решение — больницу эту уничтожить».

Зачем, чего ради? «240 коек будет сокращено, а здание сдано в казну!» — не моргнув глазом, оптимистично, с чувством выполненного долга отвечает главврач. Спору нет, свою задачу от выполнил.

А что же в результате этой «оптимизации» получают москвичи? Дальнейшее сокращение шансов бесплатно подлечиться в стационаре? Это, похоже, никого не волнует.

Итак, 1 января здание должно окончательно освободиться не только от пациентов, но и от медперсонала. С некоторыми из еще оставшихся сотрудников мы встретились в ординаторской. Два-три десятка сосредоточенных людей в белых халатах в больнице без единого пациента. Ощущение сюрра.

Бойкая старшая медсестра, пришедшая в филиал в апреле 2014 года, бойко рапортовала о том, что работу в Боткинской больнице предложили почти всем. Многие сотрудники — жители Подмосковья — перешли на работу в Московскую область. Оставшиеся здесь сотрудники — всего лишь «завершают дела», чтобы потом тоже перейти в Боткинскую. А вообще дела у коллектива обстоят очень хорошо. За последний год даже зарплату всем подняли.

Присутствующие — врачи, медсестры, хозяйственный персонал, понуро выстроившиеся в ряд, — слушали эту тираду молча. Возможно, потому что рядом стоял зам. главного врача. «Разбудили» их «провокационные» вопросы депутата: адекватна ли прежней предложенная им работа и существенно ли была поднята зарплата? Люди начали высказываться. Правда, на просьбу представляться ограничивались должностью, не называя своего имени. Их, впрочем, без труда можно было прочесть на все еще прикрепленных к белым халатам бейджиках.

Первой нарушила молчание медсестра терапевтического отделения, отработавшая в больнице 25 лет. По ее словам, до присоединения к Боткинской, больница всегда была переполнена — пациенты лежали в коридорах. Затем число коек в отделении по непонятным причинам сократили с 83 до 40. Ее поддержала зав. отделением. Отделение отнюдь не пустовало: за 10 месяцев здесь побывало более 1100 пациентов.

Врач-физиотерапевт с 34-летним стажем вспоминает, что больница была переполнена. Она начинала работу на скорой помощи, и многие просили отвезти их именно в 19-ю, которая была известна высоким профессионализмом врачей и добрым отношением к больным.

Но можно ли было ожидать от сотрудников иного мнения? До последнего дня работать в больнице остались лишь те, для кого она стала родным домом.

Да, заработок, по словам персонала больницы, у них в последнее время только уменьшался. Да и дальнейшее трудоустройство для большинства остается одним из самых острых вопросов.

Всех в Боткинскую больницу, конечно же, не взяли. В новый коллектив предложено влиться лишь 60 представителям среднего медперсонала и двум врачам-нейрохирургам.

Информацией о том, куда ушли сотрудники больницы, нашли ли они работу, «реорганизаторы» не владеют.

А что же нейрохирурги? Больница эта, пусть и не слишком крупная, хорошо известна в Москве благодаря своему спинальному нейрохирургическому отделению. Здесь на протяжении многих лет проводились сложнейшие операции при опухолях и сосудистых заболеваниях спинного мозга, переломах позвоночника, грыжах спинного мозга и других заболеваниях. Пациенты были преимущественно пожилые. Случалось даже как-то проводить операцию на позвоночнике 94-

летнему москвичу. Одно из ноу-хау — более высокая скорость проведения операции, позволяющая погружать пациента в наркоз на менее продолжительное время и уменьшить кровопотери.

Из десяти врачей уникального отделения, среди которых признанные специалисты спинального профиля, кандидаты и доктора наук, работу в Боткинской больнице предложили лишь двум заведующим отделениями. Да и то на должность рядовых врачей с возможной перспективой обретения «кабинетов».

Врачи отказались. «Ценность нашей работы в этой больнице заключалась именно в комплексном подходе: постановке диагноза, проведении операции и реабилитации после нее. В той же Боткинской комплексное лечение спинальной патологии гораздо слабее. И сохранить наши достижения можно только сохранив наш коллектив, в котором мы дополняем друг друга. В одиночку нам ничего не сделать», — убежден зав. отделением Виктор Юдин.

Таким образом, под лозунгом избавления от некомпетентных специалистов новое руководство одним махом избавилось от восьми нейрохирургов высочайшего уровня, которые поднимали на ноги считавшихся безнадежными людей, посоветовав им переучиваться на терапевтов: они, мол, нужнее.

В ходе разговора вскрылась и еще одна интересная деталь. До выборов в Мосгордуму, вплоть до середины сентября, персонал больницы убеждали, что всех переведут в новый корпус Боткинской больницы. Сюда приехал Шабунин, призвая голосовать «правильно». Но выборы остались позади, коллектив свою функцию выполнил, и буквально через две недели, 1 октября людям цинично объявили о ликвидации медучреждения.

Финансовая убыточность — тоже весьма хитрый показатель. По словам нейрохирургов, их отделения приносили ежемесячно около 10 млн рублей. Во всяком случае, такие цифры озвучивались на совещаниях. Вначале говорили о необходимости «приносить» 15 млн, потом 22 млн. А завершилось все необходимостью зарабатывать 30 млн. Цифра просто запредельная!

Да, постановка стэнда, безусловно, важная вещь. Но это лишь одно из направлений кардиологии. Ведь в Москве немало пожилых людей, страдающих сердечной недостаточностью, которые нуждаются в регулярном стационарном терапевтическом лечении. Похоже, что этих, так называемых неострых больных теперь никто лечить не собирается. Скорая пациента с отеком не госпитализирует. Ну а дойти до поликлиники у него не хватит сил.

Утверждение о невостребованности больницы — откровенное лукавство. Желающих лечь в нее немало и сегодня. Пустующие койки — искусственный показатель: больные просто не могут попасть в стационар. Похоже, они никому теперь не нужны: вылечить их нельзя, а поддерживать никто не собирается!

«С подобной картиной мы сталкиваемся не впервые. «Оптимизация» здравоохранения будто катком прокатилась по Москве, — комментирует происходящее Владимир Родин. — Позиция руководства Боткинской больницы понятна. Услуги в навязанном им новом филиале не могут быть реализованы на достаточно высоком уровне, а значит, достойно оплачены, и поэтому куда проще вместо ее модернизации просто избавиться от актива».

С другой стороны, очевидно, что убыточность учреждения неубедительна. Нельзя забывать и о том, что согласно Конституции РФ мы живем в социальном государстве, которое гарантирует гражданам «право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» (статья 41).

Предстоящее сокращение в Москве 28 больниц депутатами Мосгордумы не обсуждалось. В Госдуме от этой «реформы» отреклись решительно.

Конечно, не врачи должны быть этими вопросами озабочены. Но уж если случилось неладное — кто, как не они, должны действовать первыми? Хотя бы доносить до широкой общественности, до нас, депутатов, информацию о ситуации, в которой они оказались.

Сохранить больницу на нынешнем этапе ее реорганизации чрезвычайно сложно. Упущено время. Хотя нам удавалось восстанавливать справедливость и в более тяжелых ситуациях».

Но есть ли кроме бывших пациентов и депутатов фракции КПРФ желающие бороться за спасение уничтожаемой больницы? На вопрос, обращались ли куда-то врачи, пытались ли защитить себя и больницу, мы услышали решительное «Нет!». Почему так долго молчали? Чего ждали?

«Наша задача — лечить людей, помогать им. Нас не учили зарабатывать деньги на страданиях пациентов. Да и в клятве Гиппократова об этом нет и слова. А ваша, депутатская, обязанность — нас защищать. Почему вы этого не делаете? Почему принимаете законы, сокращающие расходы на здравоохранение? Почему обрекаете на уничтожение больницы, оставляя на произвол судьбы нуждающихся в помощи людей?» — в сердцах бросила нам в лицо одна из врачей, доктор наук. Объяснять ей разницу позиции депутатов от КПРФ и провластного думского большинства, порой облакающего в законы самые нелепые противостественные устремления, смысла не имело.

Тем не менее написать обращения, которые могли бы помочь депутату отстаивать их интересы, никто желания не изъявил. А сфотографироваться на фоне больницы после озвученного замом главврача запрета и окрика старшей медсестры: «Что, мол, пошли, как стадо?», — из 20 человек решились только пятеро.

Юлия Михайлова